

М.В. Ясинская
(Москва)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХАИЧЕСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ ПОДЛЯСЬЕ¹.

С 20 по 30 мая 2017 г. сотрудники Института славяноведения РАН в.н.с. д.ф.н. А.В. Гура и н.с. к.ф.н. М.В. Ясинская проводили полевые этнолингвистические исследования в одном из архаических славянских регионов — Подлясье². В результате экспедиции удалось обследовать 16 населенных пунктов, расположенных в границах трех современных воеводств: Мазовецкого, Люблинского и Подлясского (Луков, Тшцинец, Адамов, Войцешков, Врубле-Варгоцин, Воля Корыцка Гурна, Тухович, Хромин, Ломница, Рудзенко, Грензувка, Лив, Улян-Майорат, Старогруд, Бжумин, Калень). Были записаны интервью с 25 информантами с 1924 по 1964 год рождения (из них 23 женщины и 2 мужчин), причем большинство информантов были людьми пожилого возраста. Основным критерием отбора информантов было условие, что человек или родился в обследуемом населенном пункте или прожил в нем большую часть жизни. Выбор информантов старшего возраста объяснялся тем, что исследователи стремились получить сведения о состоянии традиции в прошлом на как можно более раннем временном срезе, однако, часто самые старшие собеседники оказывались менее удачными информантами, чем люди 1935–1945 г.р., так как они хуже помнили события и факты прошлого в силу преклонного возраста. Среднее и старшее поколение часто делилось сведениями, почерпнутыми из рассказов своих родителей и дедов. Общая длительность записи интервью составила 32 с лишним часа. Также были получены фото и видеоматериалы: фотографии обследованных населенных пунктов, традиционных построек, портреты информантов, фото этнографических и обрядовых предметов. Все аудио- и видеоматериалы доступны в архиве Отдела этнолингвистики и фольклора РАН.

Работа велась, с одной стороны, по Полесской программе³, с другой — по авторскому вопроснику, разработанному А.В. Гурой специально для данной экспедиции с учетом особенностей исследуемого региона. Акцент был сделан на разделах программы, посвященных народному календарю, свадьбе и демонологии, однако отдельные сведения относились и к другим темам, например, похоронно-поминальной обрядности, животному миру. К сожалению, не все информанты в настоящее время владеют диалектом, однако в тех случаях, когда это было возможно, исследователи старались стимулировать собеседников говорить на диалекте. В исследуемом регионе распространен мазовецкий диалект

(ближнемазовецкая группа), для которого характерно мазурение и глухой тип сандхи, асинхронное произношение мягких губных, использование окончаний глаголов двойственного числа в значении множественного числа индикатива, смешение *i* и *u* и другие диалектные черты⁴.

В настоящем обзоре хотелось бы подробнее остановиться на темах, связанных с народным календарем и демонологией, и кратко представить собранный материал⁵.

Народный календарь в любом разговоре с информантом, как правило, служил вступлением и основой беседы. Информанты рассказывали о праздниках, которые праздновали в их селе, а также об обычаях и обрядах, связанных с ними, параллельно можно было записать примеры сельскохозяйственной и скотоводческой магии, календарные присловья и приметы. Так, празднование Рождества (*Boże Narodzenie*) начиналось накануне, в вигилию (*Wigilia*): готовился постный ужин (*pośnik*), во время которого на столе должно быть двенадцать блюд (по количеству учеников Христа). В угол ставили сноп с различными злаками, он должен был стоять в течение всех зимних праздников (Воля Корушка Гурна). На стол ставили дополнительную тарелку для возможного гостя. Считалось, что если в дом на Рождество придет нищий, это принесет удачу (*jakby Pan Jezus przyszedł* (как если бы Господь Иисус пришел)), это значило, что девушки в этом доме в наступающем году выйдут замуж. На углы стола клали по булочке с облаткой посередине. На стол под скатерть клали сено, затем, когда его убирали, смотрели, какие зерна оставались на столе, такие злаки уродятся в новом году. Сено со стола вместе с хлебом и облаткой на св. Стефана (*św. Szczepan* — 26 декабря, на следующий день после Рождества) относили в хлев и давали скотине, им также могли обвязывать плодовые деревья, чтобы они плодоносили. Верили, что скотина в рождественскую ночь может разговаривать человеческим голосом, но услышать это может только праведный человек. Считалось, что, если первым гостем был мужчина, у коровы родится бычок, если женщина, то телочка (другая версия — мужчина приносил счастье, женщина — несчастье). Нельзя было ругаться, ничего просить, иначе целый год будешь ругаться, просить; нужно быть чистым, красиво одетым и причесанным. Нельзя было убираться в доме, подметать, потому что Христос родился в хлеву, там не было убрано. Накануне Рождества девушки гадали о замужестве: например, выходили слушать, выкрикивая при этом: „*Hop-hop, gdzie mój chłop?*”. С какой стороны донесется звук, в ту сторону девушка выйдет замуж. Смотрели на небо, если есть звезды — будут хорошо нестись куры, если были сосульки на крыше — уродится морковь. На второй день после Рождества ходили колядовщики (*kolędnicy, herody*): наряжались в козу, жида, цыгана и др.

На Три Короля (*Trzech Króli* — 6 января) освящали мел и этим мелом писали на дверях домов первые буквы имен волхвов, принесших дары младенцу Христу: М (Мельхиор), В (Бальтазар) и К (Каспар). Затем освященный мел хранили дома, им лечили ячмень на глазу, прикладывали к ранам; когда первый раз выгоняли скотину, рисовали между рогами крестик, чтобы никто не взглянул. 2 февраля праздновали Громничную Божью Матерь (*Matka Boska Gromniczna, Gromnicy*), в этот день освящали свечу, которую впоследствии выставляли в окно от грома, бури. Эту свечу также использовали в похоронном обряде: она должна была гореть при умирающем, а затем ее относили на кладбище, чтобы она догорела там. Свечу, которая горела при покойнике, уже не использовали дома. Период от Рождества до Великого поста назывался Карнавал. Иногда «Карнавалом» называли последнюю неделю перед постом. Последние дни карнавала назывались *Ostatki*, они начинались с четверга (*Thusty czwartek*) и длились до среды, последний день перед постом — вторник (*Kusaki*). Можно было праздновать и веселиться, но только до полуночи, иначе *diabeł do domu nie doprowadzi* (дьявол не доведет до дома). Одна из информанток рассказала быличку о том, как дьявол наказал музыканта, игравшего в корчме после полуночи, когда уже начался пост: *Post się zaczyna, nie... popielcowa środa, we wtorek robili zawsze ogromne zabawy, już na Ostatki. I była karczma na dolnej wsi, o na tej drugiej, ja pamiętam tą karczmę. I tam zrobili właśnie... I jedna kobieta mówi, że... "O zagrajmy jeszcze po dwunastej! To choćby tam to się wypowiedum u księdza i, mówi, mi lon i konopie urosną"... bo jak się tak zajdzie trochę już postu, to lon i konopie urosną. I un jeszcze ten skrzypek miał zagrać tej kobiecie i jak szedł do domu między górną a dolną wsią jest most, jest rzeka, drewniany. Świecił księżyc, zawsze tak mówili, na ten most wstąpił, a naprzeciw niego idzie bardzo ładny pan w czarnym kapeluszu i niesie skrzypce i mówi do tego chłopca, co grał, a on grał już, mówię, w poście, a nie wolno było już mu grać. „Może chcesz się zamienić na skrzypce? Bo ja mam nowe, a twoje już stare, to jabym ci dał te”. A, mówi, naprawdę tak, no księżyc świeci, zobacz. „No tam, moje już się rozlatuje, a te takie nowiutkie, to się zamienimy, i dał temu te skrzypce i przyszedł do domu, poszedł do komory, i take były, to były take bez okna chałupki, tam się wszystko wstawiało, powiesił na kolku. Rano wstaje, żona już przy kominie tam, mu szykuje jedzenie, a on mówi: „Te, Matka, ale gisieft zrobiłem!” Znaczy zamiana — to gisieft, tak mówi. „Aj, zrobiłem gisieft dzisiaj w nocy! Nowe skrzypce za stare przyniósłem”. — „Co ty pleciesz?!” — „Tak! Taki panek w czarnym kapeluszu na czarno ubrany elegancki”. A ta mówi: „A gdzie masz te?” A mówi: „Idź przynieś! W komorze wiszą” Una poszła, a tam końska noga udziabana wisi⁶ (Пост начинается, нет... попельцова среда, во вторник всегда устраивали огромный праздник, уже на Ostatki. И была в нижней*

деревне корчма, в другой, я помню эту корчму. И там как раз устроили... И она женщина сказала: «О, давайте играть после двенадцати, пусть придется исповедоваться у ксендза, зато лен и конопля вырастут»... потому что если уже праздновать и немного заступить в пост, то вырастут лен и конопля. И скрипач должен был сыграть для этой женщины, а как уж он шел домой между вышней и нижней деревней есть мост деревянный, там река. Светил месяц, всегда так говорили, на этот мост он вступил, а навстречу ему идет очень красивый пан в черной шляпе и несет скрипку и говорит этому мужику, который играл, а ведь он играл уже в пост, говорю, нельзя было ведь ему уже играть. «Может хочешь поменяться скрипками? У меня новая, а твоя уже старая, я бы тебе дал свою». А, говорит, правда, месяц светит, посмотри! «Ну да, моя уже разваливается, а эта такая новенькая, давай поменяемся», и дал ему скрипку и пришел домой, пошел в комору, и такие были, были такие домики без окон, туда все складывали, повесил на крючок. Утром встает, жена уже у печи, готовит ему еду, а он говорит: «Эй, мать, а я сделал гешефт!» Гешефт это обмен, так он говорит: «Ай, сделал я гешефт сегодня ночью! Новую скрипку принес вместо старой». — «Что ты мелешь?!» — «Да! Такой пан в черной шляпе, элегантно одет в черное». А та и говорит: «А где она у тебя?» Он отвечает: «Иди принеси, в коморе висит!» Она пошла, а там конская нога висит отрезанная (жен., 1943 г.р., Воля Корыцка Гурна).

Первый день Великого поста назывался Попелец (*Popielec*), хозяйки мыли горшки и сковородки пеплом, чтобы избавиться от следов жирной пищи. В исследуемом регионе бытовали также средопостные обряды: Средопостье (*Śródpoście*) приходилось на четвертую среду от Попельца, в этот день девушки мазали краской окна холостых парней (а парни — незамужних девушек), парни пускали воробьев в дом, где девушки собирались драть перья, сыпали в избу пепел. На Вербное воскресенье (*Nedziela Palmowa*), освящали «пальмы» — букеты из вербы, украшенные березовыми веточками и цветами. Приходя из костела, били друг друга «пальмами», приговаривая: „*Palma bije nie zabije, Wielki dzień za tydzień*”. «Пальмы» использовали в качестве защиты от грозы, одну почку вербы глотали, чтобы не болело горло, ими выгоняли первый раз скотину на пастбище. Пальму также использовали в функции кропила, когда кропили святой водой ниву. Веточки освященной вербы втыкали в картофельное поле, чтобы лучше рос картофель.

На Пасху (*Wielkanoc*) освящали воду, которой кропили дома, огороды, нивы. Расписывали яйца воском, а потом варили в луковом отваре (*w cybulniaku*), крестная должна была раздать крашенные яйца (*pisanki*) всем своим крестникам. Скорлупу затем крошили курам, чтобы они держались вместе, или закапывали на огороде, чтобы был урожай. Освящали корзин-

ку с пасхальной пищей (*święconka*), в которую входили: хлеб, яйца, масло, перец, соль, хрен (из хрена делали крестик и втыкали в ветчину), ветчина, колбаса. Кость от ветчины закапывали в огороде, чтобы не рыли кроты, а соль использовали в качестве защиты от пожара. Когда приносили корзину с освященной пищей, говорили: „*święconka do chatupy, a wszystko robactwo z chatupy!*” (свенцонка в дом, а все черви из дома). Верили, что кто первый вернется из костела домой, у того будет лучший урожай, поэтому после мессы все как можно быстрее старались добежать до дома. На св. Яна (*św. Jan* — 23 июня) девушки плели венки (один веночек для себя, другой для парня), пускали их на стоящую воду и смотрели, будут ли они держаться вместе или поплывут в разные стороны. До святого Яна нельзя было купаться, говорили, что *święty Jan chrzci wodę* (св. Ян крестит воду). В Октаву Божьего Тела (*Oktawa Bożego Ciała* — восьмое воскресенье после Пасхи) делали венки из различных видов трав, их вывешивали на стене или в окне от грома. На Октаву запрещалось печь хлеб, иначе будет дождь. Веточки березы, с которыми шли во время процессии, затем втыкали в огороде от кротов. Травой из освященных веночков кадили вымя коровы, если корова давала молоко с кровью. Также травы и овощи освящали на Успение (*Matka Boska Zielna* — 15 августа). Эти травы употребляли в медицинских целях. В исследуемом регионе сохранилась традиция дожинок (*Dożynki*) — празднования окончания жатвы: на поле оставляли несколько несжатых колосков — «бороду», их украшали цветами, таскали друг друга за ноги по жниве.

Что касается народной демонологии, эта тема, в отличие от календаря, непроста для беседы и не все информанты готовы делиться с исследователями своими знаниями. Во всяком случае, разговор о мифологических персонажах обычно более уместен во второй части интервью, когда между эксплоратором и информантом устанавливаются доверительные отношения. В ходе экспедиции встретилось несколько информантов, которые не только сообщили поверья о мифологических существах, но даже рассказали несколько мифологических рассказов (быличек) о чёрте, ведьмах (*carownicach*), покойнике. Например, интересный текст был записан о том, как пчелы прощались со своим умершим хозяином: *Umarł mój szwager niedawno i on był pszczelarzem, i to było sześć lat temu, by kto nie uwierzył, ale to było całe podwórko ludzi, te pszczoły były tak blisko za mieszkaniem, i jedna najpierw ta pszczoła wpadła do domu, jak on leżał, ze szpitala go przywieźli, i tak pokręciła się, pokręciła się, chciały ją tam... „Nie ruszaj jej!” — córka mówi, — „Niech się pochodzi, to jego pszczoła”. Pochodziła, i jak go wynosiły z domu, ksiądz już wyszedł przed mieszkanie, i ludzie wszystkie, a tu wynosiły trumnę, jak te pszczoły zrobiły jeden tłum, to jeszcze ludzie bojały, na drogę uciekały z podwórka, że niech córka powie...*

i ksiądz mówi: „Ja już przeżyłem tyle, jeszcze i tego nie widziałem!”...nie uwierzyłabym, bo nie widziałam w życiu. Wyszły na drogę, poszły, a pszczoły się zostały na podwórku, poszły do ulejków (Умер мой шурин недавно, а он был пасечником, это было шесть лет назад, никто бы не поверил, но был целый двор народу, пчелы были недалеко, за домом, и сначала одна пчела влетела в дом, когда он лежал, привезли его из больницы, и так покружилась-покружилась, ее хотели... «Не трогай ее! — говорит дочь. — Пусть она летает, это его пчела». Полетала, и когда его вынесли из дома, уже вышел ксендз перед домом и все люди, и тут вынесли гроб, а эти пчелы собрались в одну толпу, еще люди боялись, убежали со двора на дорогу, пусть дочка скажет... и ксендз сказал: «Я столько всего повидал, а такого еще не видел!»... я бы не поверила, в жизни такого не видела. Вышли на дорогу, пошли, а пчелы остались на дворе, полетели в ульи) (жен., 1933 г.р., Адамов).

Самым популярным мифологическим персонажем, о котором рассказывали почти все информанты, была змора (*Zmora*). Зморой могла стать седьмая подряд девочка (реже — мальчик) в семье. Ребенок станет зморой, если во время крещения ксендз оговорится и скажет не «z wiary», а «z magu». Когда человек-змора спит, его душа ходит по ночам (при этом человека в этот момент невозможно добудиться), приходит в конюшню и заплетает коню гриву в косички, отчего конь становится потным, измученным. Чтобы избавиться от зморы, нужно было повесить в конюшне зеркало: считалось, что змора увидит свое отражение, испугается и убежит. Реже информанты сообщали, что змора могла душить человека, наваливаясь на него, когда он спал на спине.

Другим мифологическим персонажем, о котором рассказывали информанты, была ведьма (*carownica*), основной ее функцией было отбирать у коров молоко и насыпать порчу. Порчу могли делать и обычные люди, движимые завистью. Одна информантка сообщила, что ее новорожденный сын плакал три месяца, не переставая, когда она пришла к знахарке, та сообщила, где нужно искать порчу. Женщина нашла у себя в доме три куклы, смотанные из ветоши. Оказалось, что их подложила соседка, тайно влюбленная в ее мужа и желавшая расстроить брак. Интересно, что другая информантка тоже рассказала о тряпичных куклах, однако в ее интерпретации с помощью семи кукол можно было избавиться от болезней: для этого куклы следовало положить на перекрестки в семи различных деревьях.

В исследуемом регионе также была отмечена вера в непреднамеренную порчу — сглаз (*nieładny wzrok, nieładne oczy*). Дурным глазом могли обладать те, кого мать дважды прикладывала к груди (уже отлучив от груди, повторно дала грудь). Если человек посмотрел дурным глазом, мог

распрячься воз, поросята начинали гадить в корыто или вообще умирали, у коровы пропадало молоко. От сглаза детям или скотине повязывали красные ленточки.

Были также записаны некоторые сведения относительно народной медицины, например, о такой болезни, как колтун в волосах (*koltun*) — его нельзя было отстригать, иначе ребенок мог ослепнуть, его следовало выжигать папиросой, а отрезать можно было только в Великую субботу, когда звонят колокола. Нельзя было, чтобы на ребенка смотрел через окно полный месяц, чтобы этого не случилось, окно заслоняли ситом. Чтобы у ребенка не было ночного плача (*placzki*, N pl), нельзя было вешать сушиться детские пеленки после захода солнца. Больного ребенка «мерили»: ручку складывали с ножкой, локоть с коленом крест-накрест. Когда в деревне был покойник, знахарки старались прийти к гробу и провести магические ритуалы с телом: например, рукой покойника обводили бородавки, чтобы те исчезли.

Верили, что когда кто-то умирал, этому предшествовали предзнаменования (*przestrogi*). Например, один человек погиб на пожаре, а в это время его сын работал в котельной, в момент смерти отца из печи выпал уголь, трижды ударившись о землю. Перед смертью деда как бы кто-то трижды ударил по стулу прутом. Был записан также ряд поверий, связанных с покойниками. Если родные чрезмерно оплакивали умершего, он на том свете вынужден был таскать жбан с их слезами, купаться в них (особенно это касается умерших детей). Во время похорон покойнику клали в карманы деньги, курящим — папиросы, также в гроб помещали предметы личного пользования (очки, палку-трость). Когда выносили гроб, нужно было открыть все двери в доме, в том числе дверцы шкафов, ящики и др., чтобы душа нигде не задержалась (другое объяснение — чтобы покойник забрал все, что ему нужно). Закрывали зеркала, чтобы в них не отразился покойник, и не было повторной смерти. Когда погребальная процессия идет или едет на кладбище, нельзя останавливаться, если с гроба падали цветы, это означало, что скоро будет еще один покойник. При покойнике зажигали громничную свечу, она *prowadzi do Jezusa* (провожает до Иисуса), если она не успевала догореть в доме, ее относили на кладбище, чтобы она догорела там. Об умирающем говорили, что он *spojrzy Bogu w oczy* (смотрит Богу в глаза). Если беременная женщина приходила прощаться с покойником, ей нужно было сначала посмотреть на свои ногти, потом на ногти покойника, тогда уже можно было смотреть на покойника. Покойники могли приходиться предупреждать живых родственников о несчастье, например, была записана быличка, в которой покойник предупредил свою семью, что нужно перековать коня, чтобы он не захромал. Нечистых покойников хоронили в углу кладбища,

нельзя было вносить их в ворота, поэтому гроб передавали прямо через кладбищенскую ограду.

Кроме упомянутых материалов, были записаны также приметы, поверья, запреты, толкования снов, присловья и другие тексты иных жанров. От одной из информанток удалось записать тексты-подражания голосам птиц. Все материалы экспедиции ждут расшифровки и дальнейшей систематизации, однако уже сейчас можно сказать, что записанные материалы уникальны, потому что представляют собой не только ретроспективу в прошлое, но также и современный срез традиции. Они позволяют проследить динамику развития традиционного народного знания путем сравнения записей, сделанных от информантов различного возраста, а также при сравнении записанных материалов с данными, которые содержатся в трудах исследователей, работавших в данном регионе в XIX и XX веках.⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторская работа выполнена при поддержке РФФИ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

² За помощь при проведении исследования выражаем благодарность польским коллегам проф. Е. Бартминьскому, С. Небжеговской-Бартминьской и В. Ксенжопольской, руководству Регионального музея в Лукове Мариушу Бурдаху и этнографу Лонгину Ковальчику.

³ *Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М.* Программа Полесского этнолингвистического атласа // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 21–46.

⁴ *Тихомирова Т.С.* Польский язык // Языки мира: славянские языки. М., 2005. С. 34–35; *Ананьева Н.Е.* История и диалектология польского языка. М., 2009; *Dialekty i gwary polskie. Compendium internetowe pod redakcją Haliny Karaś*: www.gwarypolskie.uw.edu.pl

⁵ Материалы экспедиции планируется частично расшифровать и подготовить статью, посвященную народному календарю, хозяйственной магии и демонологическим представлениям поляков Лукува и его окрестностей.

⁶ При передаче диалектного текста используется не фонетическая запись, приближенная к польской орфографии.

⁷ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 26. Mazowsze. Wrocław, 1963; *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. Kultura duchowa. Т. 2, cz. 1. S. 11–15; *Drabik W.* Obrzędy Podlasia [рукопись].